

Вопросы теории

"ОБЩЕЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ" СОВРЕМЕННОГО МИРА

В.С. Верещетин

I. Изменения в международном сообществе

Если попытаться одним словом обозначить важнейшие факторы, определяющие изменения, происходящие в современном международном праве, то, очевидно, наиболее подходящим словом будет "взаимозависимость". Во второй половине XX века, и особенно в последнее десятилетие, человечество впервые за всю свою длительную историю стало осознавать себя как единое целое, которому уготована общая судьба. Уже стало общим местом напоминать, что это осознание пришло, а точнее говоря, приходит в связи с тем, что предельно ощутимо дали о себе знать глобальные угрозы человечеству: ядерная, экологическая, экономической слабости. Большинство из этих угроз трансграничны, с ними не могут справиться отдельные государства, выступающие главными действующими лицами на международной арене, или даже те или иные объединения государств; они бросают глобальный вызов всему человечеству.

Постепенное осознание этой простой истины, происходящее на наших глазах, влечет за собой изменения в международном сообществе и изменения в международном праве, которые являются, конечно, не единственным, но очень важным регулятором общественной жизни. Международное сообщество, ранее воспринимавшееся международным правом только как совокупность государств, все более проявляет себя как сообщество всех людей, живущих на Земле, как общечеловеческая общность. Наивно было бы утверждать, что в связи с этим государства перестали быть основными действующими лицами на международной арене. Однако никакая государственная власть сейчас уже не может не считаться с народными движениями, общественными организациями, общественным мнением, "народной дипломатией", нередко формули-

рующими в выдвигаемых ими требованиях "предстандарты" будущих правовых норм, а подчас непосредственно контролирующими и побуждающими государства к принятию и соблюдению таких норм.

Перед лицом глобальных угроз выживанию человеческой цивилизации люди разных идеологий, политических и религиозных убеждений стали больше задумываться над тем, что их объединяет, стали бережнее относиться к тому, что именуется "общечеловеческими ценностями", среди которых первейшая ценность — жизнь. Без ее сохранения все другие ценности теряют свой смысл. Усилился интерес к развитию и защите основных прав и свобод личности как на национальном, так и на международном уровнях.

Решительный поворот в Советском Союзе в сторону признания личности как высшей ценности, приоритета общечеловеческих интересов над интересами классовыми, идеологическими и проч. привел к еще одному очень важному изменению в жизни международного сообщества — ликвидации глобального противостояния во всех областях общественной жизни между капитализмом и социализмом. После того как мы перестали рассматривать все явления внутренней и международной жизни под углом зрения противоречия между двумя общественно-политическими системами, была ликвидирована пропасть, разделявшая человечество, происходят постепенная демилитаризация и гуманизация международных отношений, открылись пути реального разоружения, ликвидирован раскол Европы, положен конец "холодной войне".

И хотя, как показали недавние события на Ближнем Востоке, напряженность во внутренней жизни, а затем и дезинтеграция Советского Союза, Югославии, мы еще далеки от всеобщего мира и благоденствия на Земле. За последнее время неизмеримо возросли возможности использования ранее дремавшего потенциала международного права и его различных институтов, перевода ряда принципов и имплементационных механизмов международного права из сферы должного в сферу сущего, действующего. Здесь и усиление роли ООН и Международного Суда и международных контрольных механизмов и многое другое.

Характеризуя основные изменения в международном сообществе, приведшие к изменениям в международном праве, мы, конечно, не должны забывать, что взаимозависимость в современном мире проявляется не только в глобальных вызовах, которые требуют глобальных ответов. Собственно говоря, сами глобальные проблемы, в частности ядерная и экономическая, возникли как следствие научно-технического прогресса и неразумного пользования его плодами. Но этот же прогресс привел к небывалому раз-

витию коммуникаций, освоению ранее недоступных пространств космоса и Мирового океана, международному разделению труда, разного рода интеграционным процессам и другим формам взаимосвязи и взаимозависимости трансграничного характера. Одним из следствий этого является движение от децентрализации к институализации в международном сообществе.

Говоря об основных факторах, влияющих на изменения в международном праве, следует также подчеркнуть небывало возросшую роль на международной арене развивающихся стран, в которых проживает большинство населения Земли. Ликвидировав одну пропасть, разделявшую человечество, — идеологическую, нельзя оставлять без внимания другую — все более расширяющуюся пропасть, которую часто характеризуют как противостояние между промышленно развитым Севером и отсталым Югом. Задача преодоления экономической отсталости также выросла в общечеловеческую проблему. В международном праве это нашло свое преломление в целом ряде документов и программ ООН, направленных на достижение экономического и социального прогресса в развивающихся странах, в возникновении концепции права развития, выражающей специфические требования народов этих стран.

II. Изменения в международном праве

Отмеченные изменения в международном сообществе не могли не сказаться на международном праве и, как мы попытаемся показать далее, на праве вообще. Интенсивность этого влияния, его конкретные проявления неодинаковы для разных отраслей и институтов международного и национального права. Возникает вопрос: можем ли мы в этой связи говорить о тенденции изменения самой сущности международного права как права межгосударственного? По-видимому, в настоящее время такой вывод был бы поспешным и преждевременным. Международное право как регулятор отношений главным образом между суверенными общественными образованиями — государствами далеко не исчерпало своих возможностей и долго еще будет выполнять свою важную социальную функцию.

Но ошибкой была бы и другая крайность — не замечать тех серьезных изменений, которые уже произошли или начинают проявляться в некоторых фундаментальных основах международного права.

В этой связи прежде всего я бы выделил эволюцию доктрины и практики суверенитета. По справедливому замечанию В.И. Евинтова, "система международных отношений, отмеченная взаимным

недоверием, гипертрофированным пониманием неограниченности суверенитета (курсив мой. — В.В.), односторонним толкованием эгоистично понимаемых интересов, исчерпала резервы своего развития”¹.

В отличие от национального права, по определению ориентированного на закрепление интересов и потребностей гражданского общества в пределах конкретного государства, международное право закрепляет в обязательных правилах поведения баланс интересов различных государств. В конечном счете оно ближе любой национальной правовой системы к нормативному закреплению общечеловеческих ценностей и интересов и само является одной из таких ценностей.

Именно поэтому стала возможной постановка вопроса об утверждении примата международного права в мировой политике и над внутренним правом страны². Это положение, как известно, рядом государств закреплено в их конституциях. Очевидно, однако, что данное положение входит в противоречие с гипертрофированным пониманием суверенитета как неограниченной власти внутри страны и вовне. Указанное противоречие преодолевается путем сознательного добровольного самоограничения суверенной власти государства во имя правильно понятых национальных и общечеловеческих интересов.

Строго говоря, неограниченным государственный суверенитет вообще никогда не был³. Но в наше время взаимозависимости, когда необходимо совместными усилиями решать общечеловеческие проблемы, это стало особенно наглядным.

Осознание государствами необходимости сочетания своих национальных и общечеловеческих интересов, рост единства и взаимозависимости мира постепенно приводят к самоограничению прерогатив государств как во внутренней, так и в международ-

¹ Евстинов В.И. Международное сообщество и правопорядок. — Киев, 1990. — С. 107—108.

² Подробнее о примате международного права в связи с “новым политическим мышлением” см. Верещетин В.С., Мюллерсон Р.А. Примат международного права в мировой политике//Сов. государство и право. — 1989. — № 7. — С. 3—11; Рыбаков Ю., Скотников Л., Змеевский А. Примат международного права в политике//Международ. жизнь. — 1989. — № 4. — С. 66—69. Tunkin G.I. Remarks on the Primacy of International Law in Politics//Mélange M. Virally. — Paris, 1990. — P. 456—463.

³ Блестящий обзор мировой литературы по вопросу о суверенитете был сделан еще в начале нашего века русским юристом Н.Н. Палиенко. См. Палиенко Н.Н. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета, ее правовое значение. — Ярославль, 1903.

ной сферах. Этот процесс возник, конечно, не вдруг и не сразу. В прошлом этапным в этом отношении был юридически закрепленный отказ государств от применения силы или угрозы силой при решении международных споров. Хотя еще и ныне предстоит немало сделать, чтобы этот важнейший принцип международного права соблюдался, само его провозглашение стало величайшим завоеванием человеческой цивилизации.

В настоящее время процесс самоограничения государств, их отказ от части своих прав значительно интенсифицировался. В частности, это находит свое проявление в активном развитии экономической и политической интеграции, в отказе государств от части своего самого современного военного арсенала, в широком распространении международных контрольных функций и так называемых "мер доверия", в том числе международной инспекции объектов, находящихся на территории государств, в возрастании роли наднациональных объединений и международных судебных процедур, кс да государство перестает быть судьей в своем деле.

Самоограничение государственного суверенитета и вторжение международного права в ту сферу отношений, которая традиционно относилась к внутренней компетенции государств, происходит особенно активно и явственно в тех областях, которые наиболее испытывают на себе фактор взаимозависимости в современном мире. Это можно проследить на примерах возрастания роли международных контрольных механизмов в области ограничения вооружений и разоружения, в сфере прав и основных свобод человека, а также на примерах делегирования ряда национальных прерогатив наднациональным органам в области экономических отношений.

Обращает на себя внимание то, что речь идет не о каких-то второстепенных компонентах внутренней компетенции государств, а об экономике, обороне, правах граждан, то есть о тех областях, которые всегда относились к жизненно важным аспектам государственного суверенитета и вытекающей из него внутренней компетенции государств.

На мой взгляд, мы должны признать, что строительство нового миропорядка немисливо без дальнейшего самоограничения государственного суверенитета и возрастания роли наднациональных институций⁴.

Требует ли это отказа от государственного суверенитета как одной из важнейших основ государства? Нет, не требует. До тех

⁴ Вспышки национализма в отдельных странах, сопровождаемые требованиями "полного и неограниченного суверенитета" и отрицанием любых наднациональных структур, не могут изменить мировых тенденций развития.

пор, пока будут существовать государства, будет в том или ином объеме и государственный суверенитет. Однако добровольное самоограничение государств во имя своих национальных и общечеловеческих интересов постепенно приводит к сокращению объема суверенных прав, осуществляемых государством. В этом смысле можно говорить о постепенном ограничении государственного суверенитета, но не суверенного равенства государств, которое должно развиваться и безусловно соблюдаться, будь то в вопросах всеобщей и равной безопасности, свободы выбора общественно-политического строя или политических прав государств в международных организациях. При этом, на наш взгляд, не имеет существенного значения теоретический спор о том, происходит ли при добровольном отказе государства от части своих прав и полномочий самоограничение суверенитета или его осуществление.

Другая важная тенденция развития современного международного права, также определяемая ростом взаимозависимости в мировом сообществе, — это *отход от чисто статического характера международного права*. Она пока не столь четко выражена, как тенденция, рассмотренная выше, и развивается не столь быстрыми темпами. Начиная осознавать себя как единое целое, человечество, род людской через головы государственных структур и установлений пытается взять свою судьбу в свои руки. С этим не может не считаться международное право. Не отдельный государственный интерес, а интересы человека и человечества, общечеловеческий консенсус должны найти в нем первейшее закрепление. И в этом смысле можно говорить о постепенном, пока только намечающемся движении международного права от права международного к общечеловеческому, или, по определению В. Дженкса, "общему праву человечества".

Разумеется, на данном этапе непосредственно человечество, народы, а тем более индивиды не создают нормы права. Их по-прежнему "делают" государства и межгосударственные объединения, но при этом они испытывают колоссальное влияние общественности, которая часто выступает как организованная общественность мира. Влияние это ощущается как на стадии нормообразования, так и на стадии нормоприменения⁵. В первом случае организованная общественность нередко формулирует "предстандарты" правил поведения, "предправовые правила", которые затем государствами

⁵ Это обстоятельство прямо признается в важнейших современных международных документах. Например, в преамбуле Парижской хартии для новой Европы говорится: "Храбрость мужчин и женщин, сила воли народов... открыли новую эпоху демократии, мира и единства в Европе".

превращаются в правовые нормы (например, в области разоружения, экологии, прав народов и прав человека). Во втором случае общественность контролирует соблюдение международных норм на международной арене и во внутренней сфере государства.

Причем государства стали официально признавать право своих и зарубежных граждан осуществлять такой контроль. Так, Итоговый документ Венской встречи государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе обязывает государства "уважать право своих граждан, самостоятельно или совместно с другими, вносить активный вклад в развитие и защиту прав человека и основных свобод... право лиц наблюдать за осуществлением и способствовать выполнению положений документов СБСЕ и присоединяться к другим с этой целью"⁶. Это право, по существу, подтверждено и дополнено в Парижской хартии для новой Европы.

Отход от чисто статической структуры международного права проявляется также в том, что его нормы все чаще адресуются не только государствам и международным образованиям, но и юридическим лицам, например транснациональным корпорациям, международным неправительственным организациям и – что особенно важно – гражданам, физическим лицам.

Выдвижение не на словах, а на деле в центр мировой политики человека с его достоинством и его правами требует отношения к человеку не как к объекту договоренностей между государствами, стоящими над ним, а как к активному участнику этого процесса, требует наделения индивида определенными качествами международной правосубъектности⁷. Пока что мы находимся лишь в самом начале этого процесса, но он имеет явную тенденцию к дальнейшему развитию. Признанию и активному способствованию этому процессу мешают груз тяжелого прошлого, перевернутое сознание, когда считалось, что не государство со всеми своими структурами существует для человека, а, наоборот, человек существует для государства и пользуется дарованными им правами и свободами.

Признание изначальной ценности человека и человечества нашло свое выражение в советском Меморандуме о развитии международного права, представленном в ООН в 1986 году. В нем гово-

⁶ Итоговый документ Венской встречи представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. – М., 1989. – С. 11, 16.

⁷ См. по этому вопросу: Захарова Н.В. Индивид – субъект международного права//Сов. государство и право. – 1989. – № 11; Блищенко И.П. Некоторые проблемы советской науки международного права//Сов. государство и право. – 1991. – № 3. – С. 137; Курс международного права. – Т. 1. – М., 1989. – С. 178–181.

рится о том, что международное право должно стать правом "коллективной ответственности государств перед человечеством"⁸. Государства должны отвечать за сохранение человечества, а не человечество за сохранение государств.

С рассматриваемой тенденцией развития международного права от межгосударственного к общечеловеческому связано и юридическое закрепление в нем таких концепций, как "общее наследие человечества", "общее достояние человечества", применительно к пространствам, не находящимся в сфере территориального суверенитета государств. Тем самым в этих пространствах закрепляется режим, обеспечивающий их использование и эксплуатацию с учетом интересов всех людей, а не только одного государства или группы государств⁹.

Понятия "права народов", "общее наследие человечества", "общее достояние человечества" тесно связаны с концепцией "международного права развития"¹⁰. Формирование этого права, которое прежде всего ассоциируется с борьбой за утверждение нового международного экономического порядка, представляет собой еще одну характерную особенность современного международного права. Известно, что и нормативная природа международного права развития и сама его юридическая обязательность в нынешнем виде нередко подвергаются сомнению. С другой стороны, имеется точка зрения, разделяемая главным образом некоторыми юристами из развивающихся стран, согласно которой все нынешнее международное право, которое они называют "классическим", должно быть отвергнуто и заменено приходящим ему на смену международным правом развития. Вряд ли такой подход может быть продуктивным, хотя бы потому, что он лишает право развития уже существующей юридической базы. Не говоря уже о том, что современное международное право далеко ушло от того классического права "цивилизованных народов", как оно сложилось в XIX веке.

⁸ Док. ООН А/С.6/41/5 от 26 ноября 1986 г.

⁹ О концепции "общего наследия" см. Постышев В.М., Даниленко Г.М. Концепция общего наследия человечества в международном праве. Два подхода к одной проблеме//Сов. государство и право. — 1988. — № 6. — С. 89–106; Барсегов Ю.Г. Концепция общего наследия человечества в международном морском праве (Вопросы теории)//СЕМП, 1984. — М., 1986. — С. 47–64; Деказовов Р.В. Понятие "общее наследие человечества" в международном праве//СЕМП, 1981. — М., 1982. — С. 142–164; Postyshev V. The Concept of the Common Heritage of Mankind. — Moscow, 1990.

¹⁰ Тузмухамедов Р.А. "Третье поколение прав человека" и права народов//Сов. государство и право. — 1986. — № 11. — С. 106–113.

Более конструктивным был бы поиск путей увязки того, что мы именуем международным правом развития, с общей эволюцией международного права, вызванной взаимозависимостью современного мира и необходимостью решения глобальных проблем, среди которых одной из острейших стала проблема преодоления слабости, голода, нищеты и болезней. И здесь уже не помогает длительно бытовавший у нас упрощенный подход, сводящий всю проблему слабости к империалистической политике эксплуатации развивающихся стран. Проблема оказалась значительно глубже, сложнее и сейчас признается именно как общечеловеческая проблема.

Учитывая, что в настоящее время основной костяк права развития составляют резолюции ООН и других международных организаций, перевод этой общечеловеческой проблемы из плоскости главным образом морально-политических обязательств развитых государств по отношению к развивающимся в плоскость конкретных юридических обязательств связан с решением концептуальной проблемы международного права: насколько пригодно международное право в качестве средства преодоления экономического неравенства государств?

По своей природе международное право является, как всякое право, равной мерой, применяемой в первую очередь к суверенным образованиям — государствам, которые не равны между собой по населению, территории, экономической и политической мощи. Можно ли, не изменяя самой сущности международного права и не отказываясь от принципа суверенного равенства государств, установить различные права и обязанности для государств развитых и развивающихся, с тем чтобы возложить на международное право осуществление ранее не свойственной ему функции распределения или перераспределения существующих или потенциальных экономических благ в интересах определенной группы государств?

Решение этой дилеммы и наполнение реальным нормативным содержанием права развития станет по-настоящему возможным лишь после того, когда слабость будет восприниматься всем человечеством как столь же грозная опасность самому его дальнейшему существованию, как и угрозы ядерного уничтожения или экологической катастрофы. Мы только вступили на путь осознания необходимости преодоления слабости как общечеловеческой задачи. И поэтому международное право развития сейчас дает лишь первые ростки. Справится ли международное право с этой задачей или для этого действительно понадобится какое-то другое международное право, покажет лишь будущее. Одно ясно

уже сейчас: развивающиеся страны, составляющие большинство человечества, со своими специфическими проблемами и задачами будут оказывать все возрастающее влияние на дальнейшее развитие международного права¹¹.

III. О концепции "общего правового поля"

Возрастающее влияние факторов взаимозависимости стран и народов сказывается в первую очередь на международном праве. Но и внутригосударственное право в результате этих факторов все более открывается внешнему миру и "внешнему праву" (международному и иностранному), становится менее замкнутым и авторитарным. Встречные движения – международного права к внутреннему и наоборот – позволяют по-новому взглянуть на постоянно расширяющиеся и усложняющиеся взаимодействия и взаимовлияния этих двух правовых систем.

Подобно тому, как в физике теоретики пытаются нарисовать общую картину фундаментальных физических взаимодействий (электромагнитных, гравитационных, ядерных) с помощью единой теории поля, юристам стоило бы задуматься над концепцией "общего правового поля", существующего в социальном пространстве, в котором взаимодействуют, взаимовлияют и взаимопроникают различные правовые системы, правовые порядки и правовые институты¹².

В этом общем правовом поле происходит взаимодействие не только национальных и международных правовых систем, но и национальных правовых систем между собой¹³. При этом иногда возникают такие феномены, которые не укладываются в привыч-

¹¹ В этой связи интересное соображение было высказано польским юристом А. Васильковским: "Государства связывают с международным правом все возрастающее число надежд и придают этому праву все новые функции. В то же время международное право имеет в своем распоряжении лишь немного средств, если оно имеет их вообще, для реализации всех этих надежд и функций. Сможет ли все возрастающее число функций и задач изменить существующую ситуацию? Если мы положительно отвечаем на этот вопрос, то, несомненно, мы имеем дело с новым международным правом" (См. A. Wasilkowski. International Law: How Far is it Changing?//Essays in International Law in Honour of Judge Manfred Lachs. – L., 1984. – P. 311).

¹² Так же как физики говорят о физическом притоке, мы можем обнаружить элементы правового притока в началах общечеловеческой морали, религиозной традиции, естественном праве, общих принципах права.

¹³ См. Рубанов А.А. Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. – М., 1984.

ное для нас деление на международное и национальное право, например право Европейского сообщества.

Введение понятия "общее правовое поле" не претендует на какое-то откровение в теории права. Ряд наших теоретиков уже обращали внимание на понятие правовой системы в самом широком смысле этого слова. Однако это делалось главным образом применительно к внутригосударственной сфере.

Так, А.М. Васильев писал в 1985 году, что "в теории права сейчас складывается понятие правовой системы, которое призвано отобразить комплекс всех правовых явлений в их взаимосвязях и в отношениях с основным, главным компонентом данной системы — правом в его нормативном определении. Оно призвано показать и выразить структуру и организацию всего правового как особого общественного феномена нашей жизни"¹⁴. Он писал далее, что правовая система охватывает правовые связи людей, организаций и государства, отношения, институты, порядок и процедуры, которые осуществляются по правовым установлениям¹⁵. Д.А. Керимов писал в 1972 году, что "на смену относительно изолированному, дифференцированному изучению отдельных звеньев правовой системы приходит интегративное ее осмысление на высшем уровне"¹⁶.

Интегрированное осмысление, с нашей точки зрения, необходимо не только в отношении той или иной национальной правовой системы, но и в отношении всего правового в социальном пространстве, всех правовых установлений в жизни общества как в пределах государственных границ, так и вне их.

Применительно к столь обширному правовому понятию предпочтительно употреблять термин "общее правовое поле", а не "правовая система". Термин "правовая система" широко используется для обозначения самых различных правовых понятий. Он как бы "поистерся", утратил свою индивидуальность и поэтому не может выявить специфичность того, что мы именуем "общим правовым полем".

Главное, однако, заключается в том, что "общее правовое поле" — это не какая-то единая целостная правовая "сверхсистема"

¹⁴ Васильев А.М. О системах советского и международного права// Сов. государство и право. — 1985. — № 1. — С. 66.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Керимов Д.А. Философские проблемы права. — М., 1972. — С. 270. См. также Алексеев С.С. Право и правовая система//Правоведение. — 1980. — № 1. — С. 27—34. В ряде своих статей С.С. Алексеев употребляет выражение "правовое антиполе" для обозначения состояния правовой анархии, вызванной "войной законов" в СССР.

или всемирная правовая система. Составляющие его основные элементы не исключаются из национальных правовых систем или международного публичного права. Сохраняется их автономия. Но это не просто сумма юридических норм, установлений, применимых к той или иной деятельности, независимо от их источников. Структура и плотность нормативной материи этого поля, его "напряженность", относительная роль и формы взаимодействия составляющих его элементов, иерархичность норм разнятся от региона к региону и даже от страны к стране.

В структуру "общего правового поля" органически вписывается, в частности, и то, что Р.А. Мюллерсон определяет как полисистемный правовой комплекс применительно к международному частному праву¹⁷, и то, что Г.В. Игнатенко характеризует как правоприменительные комплексы разносистемных норм. По мнению Г.В. Игнатенко, такие комплексы могут включать в себя нормы международных договоров, национальное законодательство и зарубежное законодательство (например, при регламентации порядка выдачи преступников)¹⁸. В связи с рассматриваемым вопросом интересно и соображение А.М. Васильева о том, что "новые подразделения международного права как бы накладываются на национальное право, имея с ним общий предмет. В этих сопряженных сферах международного и национального права происходит наиболее интенсивный обмен юридическими идеями и нормативными формулами вплоть до взаимопереходов"¹⁹.

Концепция "общего правового поля" помогает осознать тот факт, что в наше время изолированное развитие национального права, оторванное от мирового правового развития, практически невозможно. Вместе с более глубоким постижением структуры и организации "общего правового поля", характера, форм и методов взаимодействия составляющих его элементов должен происходить процесс сознательного и направленного его "культивирования" в общих интересах.

Недавний призыв наших теоретиков права видеть в государстве и праве "средство социального компромисса" и их широкое понимание права как "определенного порядка в обществе"²⁰ облегча-

¹⁷ См. Мюллерсон Р.А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права//Сов. государство и право. — 1982. — № 2. — С. 80–89.

¹⁸ См. Игнатенко Г.В. Международное и советское право: проблемы взаимодействия правовых систем//Сов. государство и право. — 1988. — № 1. — С. 78.

¹⁹ Васильев А.М. Указ. соч. — С. 70.

²⁰ Лившиц Р.З. Государство и право в современном обществе//Сов. государство и право. — 1990. — № 10. — С. 13–21.

ет задачу понимания, изучения и развития "общего правового поля" как научной концепции и как сферы правотворческой деятельности на национальном и международном уровнях.

Гораздо труднее было бы воспринять эту концепцию, когда мы рассматривали государство, право, международные отношения только через призму классовой борьбы, когда в нашем сознании классовые интересы превалировали над общенародными, а государственные над общечеловеческими, когда даже мирное сосуществование между государствами мы рассматривали как специфическую форму классовой борьбы. В тех условиях "общее правовое поле" скорее напоминало поле битвы, а не сферу сотрудничества, взаимодействия и взаимопроникновения правовых систем и институтов.

Один из выводов, который вытекает из концепции "общего правового поля", — необходимость в научных исследованиях и преподавании делать больший упор на комплексный проблемный подход при рассмотрении правового регулирования тех или иных видов деятельности или сфер общественных отношений. Это относится, например, к деятельности на море, в воздухе, в космосе, к охране окружающей среды, к сфере прав человека, экономическим отношениям и т. д. Взаимно увязанными между собой должны быть не только само регулирование внутренних и внешних аспектов соответствующих правоотношений, но и их изучение и преподавание. Пора разрушить стену, которая долгое время возводилась между специалистами по внутреннему праву и международниками.

Свидетельством того, что этот процесс развивается, служит появление наряду с классическим делением правовых дисциплин и правовых систем новой так называемой "функциональной классификации", охватывающей как международно-правовые, так и национальные нормы. Она включает, в частности, право окружающей среды, атомное право, право телекоммуникаций, космическое право, в значительной степени морское и воздушное право.

Наиболее наглядным примером интенсивного "общего правового поля", порождающего правовые структуры, не укладывающиеся в известное нам деление на международное и национальное право, является так называемое "европейское право", и особенно его основная часть — право Европейского сообщества. Одни видят в этом праве движение к единому национальному праву, другие усматривают в нем осуществление на практике примата международного права, третьи считают, что оно должно быть признано качественно новой областью права, которое не является ни полностью международным, ни полностью национальным правом.

Элементы истины, очевидно, содержатся во всех этих суждениях. Вместе с тем на "европейское право" в сочетании с европейскими национальными правовыми системами права можно посмотреть как на "культивированное общее правовое поле", возникшее в регионе с богатыми правовыми традициями и техникой правового регулирования, где общие интересы и потребности экономической интеграции вызвали необходимость ее специального обеспечения всеми доступными правовыми средствами и механизмами, включая создание наднациональных структур²¹. Наряду с институтами, связанными с экономической интеграцией в Западной Европе, получили большое развитие международные механизмы, обеспечивающие права и свободы человека. Менее впечатляюще и не столь радикально интеграционное движение в политической сфере.

Если наложить опыт "европейского права" на процессы, происходящие ныне в правотворческой сфере в рамках СНГ, то можно предположить, что и у нас начинать следовало бы с правового регулирования механизма экономических отношений между членами СНГ, а также прав человека как областей, представляющих жизненный интерес для всех. Что же касается всего комплекса политических отношений, то в условиях нынешнего "парада суверенитетов" как реакции на прошлые унитарность и тоталитаризм трудно рассчитывать на быструю общую договоренность при выработке соответствующих правовых инструментов.

Конструктивную роль может сыграть концепция "общего правового поля" и в процессе формирования европейского правового пространства от Атлантики до Урала, которое рассматривается как важное средство реализации во многом сходных идей "общего европейского дома", "европейской конфедерации", "европейского мирного порядка". Осуществление на деле этих широких и далеко идущих политических проектов потребует взаимоувязанного правового регулирования как на международном, так и на национальном уровнях. И то и другое регулирование должно быть предметно ориентировано и гармонизировано между собой. В результате в пределах всего европейского пространства определенные сферы общественных отношений будут регулироваться общими или одинаковыми правовыми принципами и нормами, а, скажем, в области прав человека мыслимо создание и эффективное обеспечение единого правового режима.

²¹ Наднациональный характер права Европейского сообщества (при всей неоднозначности этого термина) проявляется, в частности, в принятии некоторыми органами сообщества большинством голосов обязательных нормативных актов (например, директив Совета министров). Наднациональность проявляется также в деятельности судебных органов.

Предметные контуры, которые потребуют такого правового регулирования, в 90-е годы уже определились в рамках процесса СБСЕ, в частности в Парижской хартии для новой Европы от 21 ноября 1991 г. Это – человеческое измерение, безопасность, экономическое сотрудничество, окружающая среда, культура. По некоторым из этих направлений, также с помощью правовых инструментов, должны быть созданы новые структуры и институты, обеспечивающие институализацию общеевропейского процесса и подводящие фундамент под будущее здание новой Европы. Ряд таких структур и институтов, в особенности в сферах обеспечения безопасности и соблюдения прав человека, определены в Парижской хартии для новой Европы. В хартии подчеркивается также важный вклад Совета Европы в дело содействия правам человека, принципам демократии и верховенства закона, в развитие сотрудничества в области культуры. Участники хартии выразили готовность использовать опыт Совета Европы в общеевропейском процессе.

Формирование европейского правового пространства станет важным элементом "непрерывного процесса сотрудничества в создании структур более единого континента"²².

²² Известия. – 1990. – 20 нояб.